

НЕФТЯНОЙ ФАКТОР В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ США В 1957–1959 гг.

Анализируется роль нефтяного фактора в политике Соединенных Штатов Америки на Ближнем и Среднем Востоке во второй половине 1950-х гг. в контексте реализации «доктрины Эйзенхауэра».

Ключевые слова: нефть; «доктрина Эйзенхауэра»; Ближний и Средний Восток.

Район Ближнего и Среднего Востока является крупнейшим в мире хранилищем углеводородов, которые всегда привлекали внимание американских бизнесменов и политиков. Проникновение американских корпораций на Ближний и Средний Восток началось после Первой мировой войны. В 1928 г. между Соединенными Штатами, Англией и Францией было заключено так называемое соглашение о красной линии, определявшее границы влияния нефтяных компаний. После Второй мировой войны американский капитал принялся активно теснить английский и французский нефтяной бизнес. Нефтяные компании США заявили, что «соглашение о красной линии» не имеет юридической силы, поскольку оно противоречит антимонопольному законодательству Соединенных Штатов.

Первое послевоенное десятилетие было отмечено активным соперничеством американских и британских нефтяных компаний в Ближневосточном регионе. Результатом этого соперничества стало создание в 1954 г. Международного консорциума по эксплуатации иранской нефти, доминирующие позиции в котором занял американский капитал. В состав нефтяного консорциума вошли пять американских компаний: «Стэндрт Ойл оф Нью Джерси» («Джерси Стэндрт»), «Сокони Вакуум» (переименованная впоследствии в «Сокони Мобайл»), «Стэндрт Ойл оф Калифорния» («Сокал»), «Тексако», «Галф», английская компания «Бритиш Петролеум» и англо-голландская корпорация «Роял Датч Шелл». Эти компании, которые в прессе часто именовали «семью сестрами», контролировали наибольшую часть добычи нефти на Ближнем и Среднем Востоке. Менее крупные американские компании, не входившие в эту «семьку», чаще всего называли «независимыми».

Создание иранского нефтяного консорциума («Ираниэн Ойл Партишипэнс») как бы подвело итог открытого противостояния крупнейших западных нефтяных монополий, сменившегося внутрикартельной конкурентной борьбой. Подобные иранскому нефтяные международные консорциумы существовали и в других ближневосточных государствах. В Саудовской Аравии действовала «Араб-Америкэн Ойл Компани» («Арамко»), состоявшая из «Джерси Стэндрт», «Сокони Мобайл», «Тексако», «Сокал». Добычу нефти в Кувейте контролировала «Кувейт Ойл Компани», в которую входили «Бритиш Петролеум» и «Галф». В Ираке добывала нефть «Ирак Петролеум Компани» («ИПК»), где были представлены «Джерси Стэндрт», «Сокони Мобайл», «Бритиш Петролеум», «Роял Датч Шелл» и французская «Компани Франсе Петролиз».

Ведущие мировые нефтяные компании установили определенные правила взаимоотношений друг с другом, касавшиеся новых месторождений, поставок нефти на мировой рынок и создания нефтяных резервов. Другой опорой этих компаний на Ближнем и Среднем

Востоке стало принятие стандартной формулы распределения доходов от добычи ближневосточной нефти 50 на 50%, где половина прибыли предназначалась правительствам стран, на территории которых добывалась нефть. В действительности доходы западных нефтяных компаний были гораздо выше, т.к. в их руках находилась почти весь сбыт добытой нефти и переработка. Отчисление от прибылей нефтяных компаний в форме подоходного налога было также одним из методов поддержки прозападной ориентации руководства нефтеносных стран Ближневосточного региона.

Американские нефтяные компании всегда пользовались поддержкой правительства. В сентябре 1950 г. госдепартамент США представил докладную записку «Ближневосточная нефть», в которой утверждалось, что деятельность американских нефтяных компаний способствует достижению таких целей политики США в регионе, как экономическая и политическая стабильность, повышение уровня жизни и обеспечение прозападной ориентации стран региона [1. С. 76–96]. Поддержка правительства была видна в связи с созданием иранского нефтяного консорциума, которое противоречило анти-трестовским законам США, но несмотря на это, Министерство юстиции освободило входившие в консорциум американские компании от судебного разбирательства. Попытки американского конгресса расследовать обстоятельства создания консорциума наталкивались на сопротивление администрации Д. Эйзенхауэра. Госсекретарь США Дж.Ф. Даллес, например, заявлял, что существует опасность, что оглашение условий создания «Ираниэн Ойл Партишипэнс» «может быть использовано безответственными элементами в ущерб интересам Соединенных Штатов и их союзников» [2].

Считается, что республиканская партия США пользовалась в основном финансовой поддержкой крупнейших нефтяных корпораций и соответственно их интересы и защищала, в то время как «независимые», как правило, делали ставку на демократов [3. С. 353]. Реалии же взаимодействия нефтяного бизнеса и власти были гораздо сложнее и политические пристрастия американских бизнесменов, равно как и предпочтения политиков, нельзя определить однозначно. В госдепартаменте Соединенных Штатов, например, интересы «независимых» представлял заместитель государственного секретаря Г. Гувер мл., а одним из наиболее близких друзей Д. Эйзенхауэра был П. Джоунс, возглавлявший нефтяную компанию «Ситиз сервис ойл компани», не входившей в число «семи сестер».

Первым испытанием установившегося порядка на мировом нефтяном рынке стал Суэцкий кризис 1956 г., связанный с национализацией египетским президентом Г.А. Насером компании Суэцкого канала и настойчивыми попытками западных стран вернуть канал под иностранный контроль. По морскому пути, соединяю-

щему Средиземное и Красное моря, перевозилось почти $\frac{3}{4}$ добытой на Ближнем и Среднем Востоке нефти. Остальная часть доставлялась по нефтепроводам в район Восточного Средиземноморья, а оттуда нефть перевозилась в Западную Европу танкерами.

В конце октября 1956 г. Англия, Франция и Израиль начали военные действия против Египта. Судходство по Суэцкому каналу было заблокировано египетскими властями. В знак протеста против тройственной агрессии сирийские националисты вывели из строя несколько секций нефтепровода, принадлежавшего «ИПК». В Западной Европе стала ощущаться нехватка нефти, восполненная только после завершения военных действий на египетской территории благодаря поставкам углеводородов из Западного полушария.

В целом Суэцкий кризис не стал серьезным потрясением для мирового рынка нефти. Весной 1957 г. была завершена очистка Суэцкого канала от затопленных в нем судов и был полностью восстановлен нефтепровод «ИПК», проходивший по территории Сирии. Временная нехватка нефти не сказалась серьезным образом на экономике западных стран. Потребление нефти этими странами после Суэцкого кризиса росло медленными темпами. В 1957 г. рост потребления нефти государствами Западной Европы и США составил всего 2% – это были самые низкие темпы за весь послевоенный период [4. С. 276]. Отчасти вялый рост нефтяного рынка в 1957–1958 гг. был связан со спадом в промышленном производстве США. Кроме того, нефть в середине 1950-х гг. составляла только 20% в общем энергопотреблении Западной Европы. Европейская экономика все еще базировалась на угле [5. С. 495]. В энергообеспечении Соединенных Штатов ближневосточная нефть вообще не играла в 1950-е гг. значительной роли. Ее доля в общем потреблении нефти в США составляла на тот момент всего лишь 3,5% [6. С. 64]. Американская экономика обеспечивалась в основном за счет нефти, добываемой в самих Соединенных Штатах, Канаде и Мексиканском заливе.

Ближневосточная нефть имела, прежде всего, стратегическое значение для США. За ее счет обеспечивались энергоресурсами европейские союзники США по организации Североатлантического договора (НАТО) и почти вся структура войск НАТО в Европе. Кроме того, ближневосточной нефтью снабжался американский флот в Средиземном море, Индийском океане и значительная часть военных баз США в Восточном полушарии.

Следующим по значимости фактором, определявшим интерес Соединенных Штатов к нефти Ближнего и Среднего Востока, была невероятная ее дешевизна. По данным британского периодического издания «Обсервер», издержки производства нефти в Ближневосточном регионе во второй половине 1950-х гг. составляли в среднем 10 центов за баррель, в то время как нефть, добываемая в Венесуэле, обходилась в 3,5 раза дороже, а в самих Соединенных Штатах – дороже в 10,5 раз [7]. Учитывая, что продавалась ближневосточная нефть долгое время примерно по той же стоимости, что и нефть Западного полушария, это обеспечивало американским корпорациям баснословную прибыль.

В системе приоритетов политики США на Ближнем и Среднем Востоке после Суэцкого кризиса нефть за-

нимала хотя и важное, но не первостепенное место. Экономическое значение Ближневосточного региона в период администрации Д. Эйзенхауэра уступало место стратегическим и геополитическим соображениям. Едва ли не один единственный раз за всю вторую половину 1950-х гг. в традиционном обзоре госдепартамента США долгосрочных и краткосрочных целей американской политики на Ближнем и Среднем Востоке задача обеспечения доступа к нефтяным ресурсам и защита права использования инфраструктуры региона были поставлены на первое и второе места соответственно. Произошло это в конце ноября 1956 г., когда временно исполнять обязанности государственного секретаря вместо заболевшего и госпитализированного Дж.Ф. Даллеса стал Г. Гувер мл. [8. С. 344]. В дальнейшем в документах как госдепартамента, так и Совета национальной безопасности (СНБ) США недопущение распространения советского влияния на Ближнем и Среднем Востоке значилось задачей номер один, тогда как Г. Гувер мл. ставил ее лишь на четвертое место после сохранения государства Израиль [8. С. 613, 619; 9. С. 145, 189, 263, 266]. Помимо связей Г. Гувера с нефтяным бизнесом следует учитывать и то, что его меморандум составлялся в условиях блокирования Суэцкого канала и не работавшего нефтепровода «ИПК».

Одним из последствий Суэцкого кризиса стало принятие американским конгрессом «доктрины Эйзенхауэра», предусматривавшей использование вооруженных сил США на Ближнем и Среднем Востоке для защиты региона от «международного коммунизма». Советский исследователь Р.Н. Андреасян считал, что целью «доктрины Эйзенхауэра» была защита американских нефтяных монополий и дальнейшее вытеснение британского капитала [10. С. 7]. «Доктрина Эйзенхауэра» была призвана решить комплекс проблем ближневосточной политики США, из которых нефтяная была лишь одной, но отнюдь не главной. Усиление влияния Советского Союза и египетского президента Г.А. Насера в Ближневосточном регионе беспокоило американское руководство в большей степени. Вместе с тем эта доктрина должна была способствовать решению задачи удержания доступа ведущих стран НАТО к ближневосточной нефти, как подчеркивалось в докладе от 10 мая 1957 г. межведомственной рабочей группы по нефтяным вопросам [9. С. 682–689].

Под доступом к нефти американское руководство понимало не только физическое присутствие и доминирование западных компаний в Ближневосточном регионе, но и контроль над объемами добычи нефти, ее переработки и географических направлений нефтеэкспорта, а также права установления справочных цен. Другой задачей Соединенных Штатов было недопущение на ближневосточный нефтяной рынок Советского Союза.

Для обеспечения доступа к нефти Ближнего и Среднего Востока США были готовы использовать, если понадобится, силу. В связи с этим любопытный обмен мнениями произошел между Д. Эйзенхауэром и его советником по нефтяной политике Д. Андерсоном, который считал, что применение силы ради доступа к дешевой ближневосточной нефти неприемлемо с точки зрения интересов Соединенных Штатов, поскольку оно будет иметь серьезные политические последствия.

Президент США категорически не согласился со своим советником, возразив, что «если возникнет угроза того, что Запад останется без ближневосточной нефти, то придется прибегнуть к силе» [9. С. 719–720, 733].

Ответное письмо Д. Андерсона, по сути, содержало программу нефтяной политики США на Ближнем и Среднем Востоке, которой Соединенные Штаты будут придерживаться в последующие годы. Советник президента указывал на необходимость не доводить ситуацию в Ближневосточном регионе до стадии выбора между использованием силы и потерей ближневосточной нефти. Для этого, по мнению Д. Андерсона, нужно, чтобы страны региона зависели от западных стран больше, чем сам Запад зависит от ближневосточной нефти. Сделать это можно, например, не допуская появления в государствах Ближнего и Среднего Востока новых нефтеперерабатывающих заводов. Технико-экономическую отсталость ближневосточных стран следовало также поддерживать, как считал советник Д. Эйзенхауэра, препятствуя появлению инженеров из СССР в государствах, примыкающих к Персидскому заливу, опираясь при этом на «доктрину Эйзенхауэра» [9. С. 736–737].

Как уже отмечалось, доступ к ближневосточной нефти был важен для Соединенных Штатов с точки зрения союзнических отношений с Великобританией и другими европейскими участниками НАТО. С точки зрения сугубо американских интересов дешевая ближневосточная нефть рассматривалась во время второго президентского срока Д. Эйзенхауэра скорее как помеха, нежели чем благо. Перспектива увеличения потока ближневосточной нефти в США, учитывая общий спад в развитии американской промышленности в 1957–1958 гг., подрывала позиции компаний, добывавших нефть внутри Соединенных Штатов.

Опыт Великобритании показывал опасность роста зависимости американского военно-промышленного комплекса от нефти нестабильного Ближнего и Среднего Востока. В связи с этим среди руководства США возникла дискуссия о возможности введения квот на импортную нефть. В рамках этой дискуссии категорически против ограничения поставок ближневосточной нефти в США выступил госдепартамент. К. Рэндалл – председатель совета по зарубежной экономической политике – настаивал на том, чтобы не ограничивать импорт нефти, а поощрять его, сохраняя американскую нефть как национальный резерв. Руководство внешнеполитического ведомства Соединенных Штатов считало, что квоты на импортную, в частности, ближневосточную нефть ослабят позиции США в нефтедобывающих странах и подорвут устои «доктрины Эйзенхауэра». В очередной раз эксперты Госдепартамента США, поддерживаемые Дж. Ф. Даллесом, подчеркивали значение ближневосточной нефти в стратегии Вашингтона [9. С. 659–667, 670, 695, 706–708]. В противовес аргументам американских дипломатов министр финансов США Р. Андерсон доказывал, что введение ограничений на импорт ближневосточной нефти, помимо чисто внутриэкономических соображений, может послужить рычагом влияния на глав стран арабского мира и Ирана, делая их более сговорчивыми [11. С. 130].

В поддержку ограничения поставок ближневосточной нефти в США выступало военное руководство Соединенных Штатов и в этом свою роль сыграли уроки Второй мировой войны, когда поставки американской нефти через Атлантический океан союзникам по антигитлеровской коалиции неоднократно оказывались под угрозой срыва из-за действий немецких подводных лодок. Представители Министерства обороны США настаивали на том, чтобы в импорте нефти преобладали углеводороды из Канады и Центральной Америки. Позже этот принцип был одобрен Советом национальной безопасности США [9. С. 679; 12. С. 587–589].

За введение квот на импорт нефти в США активно выступали «независимые» компании, действовавшие через американский конгресс и не имевшие крупных заграничных активов. Квоты в какой-то степени уравновешивали позиции «независимых» в противостоянии с ТНК. В главном законодательном органе Соединенных Штатов «независимых» поддерживал лидер демократического большинства в сенате Л. Джонсон и спикер палаты представителей С. Рэйберн. Оба – из богатого нефтяными ресурсами Техаса. Стараясь быть верным принципам свободной рыночной конкуренции и развития мировой торговли, Д. Эйзенхауэр долгое время сопротивлялся идее введения ограничений поставок зарубежной нефти в США. Усиливавшееся давление со стороны конгресса и нефтяных компаний Техаса, Луизианы и других нефтеносных штатов способствовали поискам компромиссного варианта.

Летом 1957 г. американским правительством был выработан план постепенного сокращения импорта нефти в США на том основании, что поток зарубежной нефти угрожает национальной безопасности Соединенных Штатов и наносит ущерб американской промышленности. Импорт нефти в США, действительно, рос с угрожающей скоростью. Если в 1950 г. Соединенные Штаты импортировали 177 млн баррелей нефти, то в 1957 г. поставки зарубежных углеводородов составили уже 373 млн баррелей [13. С. 593]. План правительства Д. Эйзенхауэра, однако, не предполагал немедленного введения обязательных квот на импортную нефть, рассчитывая на добровольное сотрудничество ведущих американских нефтяных компаний, что подрывало его эффективность [9. С. 722–731].

Суэцкий кризис продемонстрировал, насколько задача обеспечения ближневосточной нефтью Западной Европы зависела от развития ситуации в транзитных странах, через территорию которых доставлялась нефть в Восточное Средиземноморье (т.е. в Египте, Сирии, Иордании и Ливане). Отсюда вытекала необходимость диверсификации путей транспортировки нефти, добиться которой можно было путем строительства новых нефтепроводов и вместительных танкеров, которые перевозили бы нефть Ближнего и Среднего Востока вокруг Африки, в обход Суэцкого канала.

Среди планов строительства новых нефтепроводов выделялись два проекта. Один, предложенный представителем «Джерси Стэндарт» Г. Пэйджем, был нереалистичным, поскольку предполагал сооружение нефтепровода в демилитаризованной зоне между Израилем и Египтом, что в условиях арабо-израильского конфликта было вряд ли возможным. Другой проект,

который отстаивала «Сокони Мобайл», предусматривал строительство нефтепровода из Ирака в турецкий порт Искендерун, расположенный на побережье Средиземного моря. Через этот нефтепровод предполагалось перекачивать не только иракскую, но и кувейтскую нефть. Этот проект получил поддержку госдепартамента, министерства финансов и министерства экономики США. В частности, Г. Гувер младший обещал «иммунитет» от судебных разбирательств по соответствию этого проекта антимонопольному законодательству [8. С. 419, 444, 592].

Однако в конечном итоге от планов строительства новых нефтепроводов на Ближнем и Среднем Востоке пришлось отказаться. Нефтяные компании не собирались инвестировать деньги в сооружение новых нефтепроводов без гарантий от саботажа и диверсий, а такие гарантии правительства ближневосточных стран дать не могли. Но главным событием, «похоронившим» проект иракско-турецкого трубопровода, стало обострение обстановки на границе Турции и Сирии летом-осенью 1957 г. Анкара, ссылаясь на угрозу «левого» переворота в Дамаске, стянула к границе с Сирией дополнительные вооруженные формирования, что резко обострило обстановку в регионе. После начала турецко-сирийского кризиса крупнейшие нефтяные компании США и Великобритании информировали американское и британское руководства, что они больше не заинтересованы в строительстве нефтепровода из Ирака в Турцию [8. С. 461, 656].

Специалисты экономического отдела госдепартамента США пришли к выводу, что решение задачи обеспечения доступа к ближневосточной нефти зависит от принятия политических решений. С этим выводом был согласен глава ближневосточного отдела государственного департамента У. Роунтри, отметивший, что западным странам не следует обострять отношений с Египтом и Сирией, поскольку на данный момент альтернативы Суэцкому каналу и существовавшим нефтепроводам нет. Однако, подчеркивал американский дипломат, необходимо расширить возможности нефтяной политики Соединенных Штатов, усиливая позиции Ирака и Саудовской Аравии в транзитных странах и способствуя снижению арабо-израильской напряженности [8. С. 499; 9. С. 647].

Политика, нацеленная на укрепление влияния Багдада и Эр-Рияда в странах Леванта, потерпела провал. Давнее соперничество Ирака и Египта за влияние в Сирии завершилось победой Каира. В феврале 1958 г. Египет и Сирия объединились, образовав Объединенную Арабскую Республику (ОАР). Созданная в ответ на появление ОАР федерация Ирака и Иордании развалилась в результате государственного переворота в Багдаде 14 июля 1958 г., свергнувшего королевскую династию иракских Хашимитов, многие годы бывших верными союзниками западных стран. Обеспеченные возможностью распространения влияния иракской революции на другие ближневосточные страны, Соединенные Штаты высадили морской десант в Ливане, а Великобритания перебросила парашютно-десантные части в Иорданию.

Защита нефтяных интересов Запада была важной, хотя и не единственной целью этих военных операций.

Так, например, «Трансаравийская нефтепроводная компания», принадлежавшая «Арамко», отказалась от охраны своего крупнейшего нефтехранилища в ливанском порту Сидон силами морской пехоты США, ссылаясь на то, что им будет достаточно собственных сил безопасности [14. С. 131]. Ни американские войска в Ливане, ни британские силы в Иордании не выдвигались на охрану нефтепроводов, проходивших через эти ближневосточные государства. Как указывал Дж.Ф. Даллес, подобные действия вызвали бы негативную реакцию арабской общественности [11. С. 85].

Гораздо большее беспокойство американских и британских политиков вызывала возможность антизападных государственных переворотов в княжествах Аравийского полуострова и Кувейте. И если операция американских войск в Ливане и действия британских сил в Иордании осуществлялись как отдельные, независимые друг от друга операции, то в районе Персидского залива степень согласованности действий между США и Великобританией была значительно выше. В район Персидского залива были направлены суда 7-го американского флота [14. С. 132]. Во время переговоров в Вашингтоне между министром иностранных дел Великобритании С. Ллойдом и американским руководством Соединенные Штаты выразили готовность занять Кувейт и, если понадобится, Дахран силами морских пехотинцев 7-го флота [15. С. 68–69].

Американо-британские отношения в сфере нефтяной политики на Ближнем и Среднем Востоке имели достаточно сложный характер. С одной стороны, американские и британские нефтяные компании соперничали друг с другом, стремясь заполучить как можно больше концессий на добычу нефти. Это соперничество, как в случае с оазисом Бурайми, на который претендовала Саудовская Аравия, княжество Абу-Даби и султанат Маскат, находившиеся под протекторатом Великобритании, иногда приводило к разногласиям на правительственном уровне между Вашингтоном и Лондоном. С другой стороны, фаза наиболее активного противостояния американского и британского капитала на Ближнем и Среднем Востоке завершилась с созданием иранского нефтяного консорциума, и теперь обе стороны были готовы сообща решать задачу обеспечения бесперебойных поставок ближневосточной нефти в Западную Европу.

Начиная с Бермудской конференции марта 1957 г., на которой встретились Д. Эйзенхауэр и премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан, нефтяной фактор был одним из основных вопросов повестки дня американо-британских переговоров по ближневосточной политике. Как признавалось обеими сторонами, доступ к ближневосточной нефти являлся жизненно важным вопросом обеспечения безопасности Западной Европы. Для решения этого вопроса выделялось четыре «инструмента»: Багдадский пакт (военно-политическая организация, созданная в 1955 г. и состоящая из Англии, Турции, Ирака, Ирана и Пакистана), «доктрина Эйзенхауэра», британские позиции в Кувейте и княжествах Аравийского полуострова, стратегическое и экономическое сотрудничество Соединенных Штатов с Саудовской Аравией [8. С. 504–508, 550; 9. С. 656–657; 11. С. 64–71; 12. С. 571–572].

Безусловно, что проблема доступа к ближневосточной нефти была более актуальной для Великобритании. Значение этой проблемы в свое время очень четко определил постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании Э. Киркпатрик: «Если мы лишимся ближневосточной нефти, то через год или два наши золотовалютные запасы будут исчерпаны. Если наши золотовалютные запасы будут исчерпаны – распадется стерлинговая зона. Если распадется стерлинговая зона, у нас не будет средств для содержания войск в Германии и вообще где-либо. Я сомневаюсь – сможем ли мы поддерживать даже минимальный уровень расходов на оборону. А со страной, которая не может обеспечить свою оборону, будет покончено [16].

Готовность защищать свои интересы и была продемонстрирована США и Великобританией в Ливане и Иордании в 1958 г. И в Вашингтоне, и в Лондоне были готовы к расширению этих военных операций на территорию революционного Ирака. Чтобы обезопасить Ирак от подобного сценария новый иракский лидер – полковник А.К. Касем поспешил заверить Соединенные Штаты, Англию и представителей «ИПК», что экономическим интересам Запада не будет ничего угрожать [11. С. 318–319].

Долгое время А.К. Касем не решался бросить открытый вызов «ИПК», национализировав, например, иракскую нефтяную промышленность, памятуя, видимо о судьбе иранского премьер-министра Моссадыка, свергнутого при прямом участии западных спецслужб после национализации иранской нефти. Вместе с тем иракский лидер неоднократно предпринимал попытку переговоров с этим международным консорциумом, пытаясь добиться передачи Ираку неразрабатываемых «ИПК» участков земли, увеличения иракской доли в доходах от добычи нефти, предоставления 20% акций «ИПК» иракскому правительству и использования для перевозки нефти, добываемой на иракской территории, только танкеров под флагом Ирака [17. С. 247, 254]. А.К. Касем пытался оказать нажим на «ИПК», организуя гонения на пронасеровскую оппозицию и усиливая сотрудничество с левыми партиями, но его возможности были ограничены тем, что, в отличие от Ирана и Саудовской Аравии, вся территория Ирака была захвачена в концессионные владения иностранными нефтяными компаниями.

Сложные переговоры «ИПК» с А.К. Касемом укрепили позиции сторонников введения квот на импорт нефти в США. В 1958 г. достиг пика рост безработицы в Соединенных Штатах – число полностью безработных превысило 6 млн человек, росла инфляция, сопровождаемая падением покупательной способности доллара, добыча нефти на юге США сократилась на 16% [18. С. 553]. Введение квот на иностранную нефть, по замыслу американского правительства, должно было поддержать цены на нефтепродукты на внутреннем рынке Соединенных Штатов на стабильном уровне и оживить нефтедобычу в американских штатах, обеспечив ее инвестициями.

Возможность вернуться к обсуждению планов по введению квот на импорт нефти была предоставлена администрации Д. Эйзенхауэра в связи с трансформацией Багдадского пакта. После революции 14 июля

1958 г. Ирак заявил о своей готовности выйти из этой военно-политической организации. Оставшиеся участники пакта, опасаясь его дезинтеграции, настаивали на вхождении в пакт Соединенных Штатов. Наиболее сильное давление в пользу вступления США в ближневосточный блок оказывал Иран, считавший, что у него нет эффективных гарантий безопасности. Одним из инструментов давления Тегерана на Вашингтон стала нефтяная политика.

Шах Ирана М.Р. Пехлеви настаивал на увеличении доли Ирана в прибылях, получаемых от добычи иранской нефти. В 1957 г. в Иране был принят закон, определявший новую концессионную политику страны. Отныне концессии на добычу нефти могли получить любые компании, но при условии участия в концессии «Иранской национальной нефтяной компании» («ИННК»). Доля «ИННК» в совместных предприятиях должна быть не меньше 30%, а наиболее льготные условия предоставлялись компаниям, где «ИННК» принадлежала как минимум половина акций [17. С. 229–230].

Крупнейшие американские нефтяные компании были явно встревожены тем фактом, что уже в 1957 г. Иран подписал революционное в какой-то мере соглашение с итальянской государственной нефтяной компанией «Энте Национале Идрокарбури» о создании совместной ирано-итальянской нефтяной компании «СИРИП». Доходы от добычи нефти делились не в обычной пропорции «50 на 50», а в соотношении «75 на 25», где 75% получал Иран. «Нью-Йорк Таймс» сообщала о том, что действия иранских властей вызвали беспокойство госдепартамента и гнев крупнейших нефтяных компаний, поскольку «Иран подрывал прочную основу соглашений о дележе прибылей пополам» [19].

5 марта 1959 г. Соединенные Штаты заключили соглашение с правительством Ирана, о том, что в случае агрессии против Ирана «правительство Соединенных Штатов в соответствии с конституцией США примет соответствующие меры, включая использование вооруженной силы» [20. С. 306–307]. Фактически это соглашение должно было заменить полноценное вступление Соединенных Штатов в организацию, которая должна была стать преемницей Багдадского пакта.

После подписания американо-иранского соглашения о сотрудничестве в сфере обороны представители крупнейших американских нефтяных компаний, возглавляемые Ю. Холлманом из «Стэндрт Ойл оф Нью Джерси», встретились с руководством госдепартамента США. На этой встрече американские бизнесмены выразили свою обеспокоенность намерением Ирана добиваться увеличения иранской доли в доходах от добываемой на территории Ирана нефти. Представители нефтяного бизнеса США заручились поддержкой американского правительства в отношении незыблемости формулы «50 на 50%» распределения доходов, закрепленной в уже заключенных контрактах [11. С. 214–215].

10 марта 1959 г. Д. Эйзенхауэр объявил о введении квот на импорт нефти. С этого дня не более 9% потребляемой в США нефти могло завозиться из-за рубежа. Благодаря введению квот на импорт нефти правительству Соединенных Штатов удалось поддерживать цены на нефтепродукты на стабильно высоком уровне довольно продолжительное время. Например, в 1959 г.

нефть продавалась в США за 2,90 долл. за баррель. Спустя почти десять лет в 1968 г. цена барреля нефти на внутреннем рынке США составляла 2,93 долл. [5. С. 539].

Решение о квотах на импортную нефть, помимо внутриэкономических соображений, явно было знаком руководству Ирана, который все активнее стал применять нефтяной шантаж в своих отношениях с Соединенными Штатами. Весной–летом 1959 г. в Иране прошла волна антишахских студенческих демонстраций. М.Р. Пехлеви был убежден, что эти волнения были организованы американскими нефтяными компаниями, которых поддерживало Центральное разведывательное управление США [21. С. 112–113]. Чтобы опровергнуть слухи о причастности западного нефтяного бизнеса к антишахским выступлениям, влиятельная британская «Файненшиэл таймс» настаивала на том, что «политическое влияние нефтяных компаний на Ближнем Востоке в настоящее время очень невелико» [22]. Введение ограничения на поставки зарубежной нефти в США

можно рассматривать и как предупреждение таким американским компаниям, как «Стэндрт Ойл оф Индиана», которая так же, как и «Энте Национале Идрокарбури», подписала соглашение с ИННК о создании совместной концессии на условиях дележа прибылей 25 на 75%.

В конце 1950-х гг. нефть не являлась главным фактором, определявшим интерес США к Ближневосточному региону. На тогдашних мировых рынках наблюдался переизбыток нефти, которая продавалась все по более низкой цене, и эта ситуация угрожала внутреннему рынку Соединенных Штатов, на котором американское правительство стремилось удерживать стабильные цены на энергопродукты. В то же время Соединенные Штаты были готовы любой ценой удерживать доступ к углеводородам Ближнего и Среднего Востока, поскольку этого требовали стратегические цели США. Решение этой задачи являлось одной из целей «доктрины Эйзенхауэра».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. 1950. Vol. V: The Near East, South Asia, and Africa. N.Y., 1978.
2. *The New York Times*. 1955. July 17.
3. *Engler R.* The Politics of Oil. A Study of Private Power and Democratic Directions. N.Y., 1961.
4. *Owen R.* The Dog That Neither Barked Nor Bit: The Fear of Oil Shortages // *A Revolutionary Year. The Middle East in 1958* / Ed. by Wm. Louis and R. Owen. N.Y., 2002.
5. *Yergin D.* The Prize: the Epic Quest for Oil, Money, and Power. N.Y., 1992.
6. *Боронов Р.* Нефть и политика США на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1977.
7. *Observer*. 1958. Aug. 9.
8. *FRUS*. 1955–1957. Vol. XII. Near East: Multilateral Relations; Iran; Iraq; Wash., 1992.
9. *FRUS*. 1955–1957. Vol. X. Foreign Aid and Economic Defense Policy. Wash., 1989.
10. *Андреасян Р.Н.* Доктрина Эйзенхауэра и нефть Ближнего Востока. М., 1957.
11. *FRUS*. 1958–1960. Vol. XII. Near East Region; Iraq; Iran; Arabian Peninsula. Wash., 1993.
12. *FRUS*. 1958–1960. Vol. IV. Foreign Economic Policy Wash., 1992.
13. *U.S. Department of Commerce. Bureau of Census.* Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970. N.Y., 1989. Pt. 1.
14. *Gendzier I.L.* Oil, Politics, and US Intervention // *A Revolutionary Year. The Middle East in 1958*.
15. *Louis Wm.R.* Britain and the Crisis of 1958 // *A Revolutionary Year. The Middle East in 1958*.
16. *National Archive of Great Britain.* FO 800/740. I. Kirkpatrick to R. Makins. 1956. Sept. 10.
17. *Андреасян Р.Н., Эльянов А.Я.* Ближний Восток: нефть и независимость. М., 1961.
18. *Иванов Р.Ф.* Дуайт Эйзенхауэр. М., 1983.
19. *The New York Times*. 1957. Sept. 12.
20. *The United States and Iran. A Documentary History* / Ed. by Y. Alexander, A. Nanes. Frederic, MD, 1980.
21. *Bill J.A.* The Eagle and Lion: The Tragedy of American-Iranian Relations. New Haven; London, 1988.
22. *Financial Times*. 1959. April 25.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 декабря 2008 г.